

Таблица

**СРАВНЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ
 ПО УК РСФСР 1960 Г. И УК РФ**

Элемент состава преступления	УК РСФСР 1960 г.	УК РФ
Объект	Государственное или общественное имущество стоимостью не более 50 рублей	Чужое имущество, стоимостью не более 2500 рублей
Субъект	Лицо, к которому с учетом обстоятельств дела и личности не могут быть применены меры общественного воздействия или административного взыскания	Лицо, подвергнутое административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ
Объективная сторона	Кража, присвоение, растрата, злоупотребление служебным положением или мошенничество	Любая форма тайного хищения, за исключением квалифицированных составов присвоения и растраты, кражи, мошенничества, мошенничества в сферах кредитования, получения выплат, компьютерной информации, с использованием платежных карт
Субъективная сторона	Прямой умысел, корыстная цель	Прямой умысел, корыстная цель
Квалифицированный состав	По объекту, по субъектному основанию	Нет

Огурцов А.С.

Главное управление МВД России
по г. Москве

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРЕДМЕТА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ
 И ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИОБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ**

Выявление и расследование преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ, учитывая актуальность противодействия финансированию терроризма и преступлениям коррупционной направленности, является одним из приоритетных для оперативных и следственных подразделений МВД России. В связи с

этим правильное понимание состава указанных преступлений, в том числе предмета преступления, имеет решающее значение.

Одна из наиболее обсуждаемых проблем отнесения имущества к предмету преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, связана с возможностью

привлечения к ответственности при отсутствии приговора за ранее совершенное предикатное преступление.

Первоначально позиция Пленума Верховного Суда РФ была изложена в п. 21 постановления от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» (в ред. до 2015 г.), в соответствии с которым при постановлении обвинительного приговора по ст. 174 УК РФ или по ст. 174.1 УК РФ судом должен быть установлен факт получения лицом денежных средств или иного имущества, заведомо добытых преступным путем либо в результате совершения преступления.

Хотелось бы, однако, высказать дополнительные доводы в пользу предлагаемого подхода, приведя ссылку на позицию высшего судебного органа, выраженную теперь уже по конкретным уголовным делам.

Первый вопрос, который обсуждается в науке: может ли кто либо кроме суда прийти к выводу о преступности деяния и происхождения добытого в процессе его совершения имущества, если такой вывод выражен в процессуальном решении и это решение вынесено помимо воли лица, вопрос об ответственности которого решается?¹

Постановлением Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П признана соответствующей Конституции РФ норма, допускавшая прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям на досудебном этапе процесса, поскольку это не означало установления виновности лица в совершении преступления, не препятствовало осуществлению им права на судебную защиту и предполагало получение его согласия на прекращение уголовного дела по указанным основаниям. Поэтому в п. 21 упомянутого постановления от 18 ноября 2004 г. № 23 Пленум Верховного Суда РФ возложил обязанность установления факта получения подсудимым или иными лицами денежных средств или иного имущества, ставших предметом отмывания, именно преступным путем

на суд, пусть и рассматривающий только дело о легализации.

Второй вопрос заключается в том, вправе ли суд, рассматривающий уголовное дело о легализации в отношении конкретного лица, делать вывод о преступности деяния иного лица, дело в отношении которого он не рассматривает? То есть возможна ли в принципе оценка деяния как преступного в отсутствие в качестве подсудимого лица, его совершившего?

Считаю, что правоприменительная практика, отвечая на этот вопрос, вправе сослаться на приговор суда за: а) приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем неустановленными лицами, и б) укрывательство особо тяжкого преступления и в том случае, когда лицо, совершившее укрывавшееся общественно опасное деяние, было признано в отношении этого деяния невменяемым.

Поэтому, если суд, рассматривающий дело о легализации преступно приобретенного имущества, убежден в доказанности того, что лицом, не являющимся подсудимым, совершено общественно опасное деяние, в результате которого им или иными лицами приобретено имущество, ставшее затем предметом совершенных подсудимым легализационных сделок, суд вправе вынести обвинительный приговор по делу о преступлении, предусмотренном ст. 174 или 174.1 УК РФ. В этом случае он приходит к выводу об отсутствии обстоятельств, которые, будучи впоследствии установленными, опровергнут его вывод о преступном приобретении имущества, т.е. обстоятельств, могущих исключить преступность деяния, в результате совершения которого приобретено имущество.

Некоторые юристы в поддержку этой точки зрения ссылаются на Конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, заключенную в г. Страсбурге 8 ноября 1990 г. и ратифицированную Российской Федерацией Федеральным законом от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ. Исходя из пп. «а» п. 2 ст. 6 Конвенции при квалификации предусмотренных в пункте этой статьи дейст-

вий, которые страна-участница признает уголовно наказуемым отмыванием преступных доходов, не имеет значения, подпадает ли предикатное преступление под уголовную юрисдикцию страны-участницы. Очевидно, это верный довод, имея в виду, что согласно ч. 3 ст. 12 УК РФ под юрисдикцию не подпадают, хищения, совершенные иностранным гражданином на территории его государства у другого гражданина этой страны. За легализацию полученного в результате этого преступления имущества согласно Конвенции необходимо должны привлекать к ответственности. При этом даже если в отношении указанного гражданина в его стране будет вынесен приговор о хищении, это судебное решение не будет, как подчеркивается И. Клепицким, иметь для российского суда преюдициального значения.²

Особо значимым для правоприменения является восприятие отстаиваемой позиции практикой высшего судебного органа.

Защита обжаловала вынесенный Московским городским судом обвинительный приговор по делу о легализации преступно приобретенного имущества, ссылаясь, в частности, на то, что в приговоре не описано деяние, в результате которого получены денежные средства, впоследствии якобы легализованные, и не приведены соответствующие доказательства и квалификация этого деяния, а ссылка суда на постановление следователя о прекращении за давностью уголовного преследования (осужденных) за незаконное предпринимательство и подделку документов является несостоятельной, так как этот документ не является актом, устанавливающим преступность действий лица и не имеет преюдициального значения. При этом, по мнению адвокатов, их подзащитные не могли быть привлечены к ответственности за легализацию в принципе, поскольку они не были осуждены за «основное правонарушение», в результате которого были получены денежные средства, легализованные впоследствии, а возможность привлечения их к уголовной ответственности за незаконное предпри-

нимательство утрачена в связи с истечением сроков давности.

Однако, по мнению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, в приговоре приведены убедительные доказательства, подтверждающие выводы суда о том, что осужденные занимались предпринимательской деятельностью, связанной с реализацией алкогольной продукции, на которую по закону требовалось наличие лицензии. Вопреки утверждениям в кассационных жалобах, указывает коллегия, суд в приговоре не только сослался на постановление следователя о прекращении уголовного дела по факту преступного происхождения денежных средств, полученных руководителями коммерческих организаций, но и установил этот факт в судебном заседании, привел убедительные доказательства получения денежных средств преступным путем. В связи с этим, заключила высшая судебная инстанция, утверждения авторов кассационных жалоб о том, что для признания Б., З., Т. и Г. виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, необходимо наличие вступившего в законную силу приговора в отношении Т. и Г., который подтверждал бы, что они занимались незаконным предпринимательством, не могут быть признаны убедительными.³

Точку в дискуссии поставил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», согласно п. 4 которого вывод суда, рассматривающего уголовное дело по ст. 174 или 174.1 УК РФ, о преступном характере приобретения имущества, владению, пользованию или распоряжению которым виновный стремится придать правомерный вид, наряду с иными материалами уголовного дела может основываться на:

– обвинительном приговоре по делу о конкретном преступлении, предусмотренном одной из статей Особенной час-

ти Уголовного кодекса Российской Федерации (об основном преступлении);

– постановлении органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) за совершение основного преступления в связи со смертью лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, в связи с недостижением лицом возраста уголовной ответственности, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в случаях, предусмотренных п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием, а также по основаниям, предусмотренным ст. 28.1 УПК РФ, если материалы уголовного дела содержат доказательства, свидетельствующие о наличии события и состава основного преступления, и органом предварительного расследования дана им соответствующая оценка;

– постановлении органа предварительного расследования о приостановлении дознания или предварительного следствия в связи с неустановлением на момент рассмотрения уголовного дела лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого за основное преступление, если материалы уголовного дела содержат доказательства, свидетельствующие о наличии события и состава такого преступления, и органом предварительного расследования дана им соответствующая оценка.

¹ Яни п. Ответственность за легализацию: нужен ли приговор по делу о предикатном преступлении? // Законность. 2005. № 8.

² Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений // Отмывание доходов от преступления (ст. 174 и 174.1 УК РФ). М., 2005.

³ Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 13.06.2006 № 5-О-23 // СПС КонсультантПлюс.

Шмыгина О.В.,

Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)

ПРИЗНАКИ НАСИЛЬСТВЕННОЙ УГРОЗЫ КАК СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Угроза представляет собой вид психического насилия, заключающийся в общественно опасном информационном воздействии на потерпевшего с целью подчинения его воли требованиям угрожающего. Оказывать влияние на психическую деятельность можно либо угрозой применения физического насилия, либо угрозой уничтожения или повреждения имущества, либо угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких. Таким образом, сущность угрозы представляется в воздействии на психическую деятельность потерпевшего путем сообщения ему сведений о совершении немедленно либо в будущем нежелательных (вредных) для него или близких ему лиц действий, в возбуждении в нем чувства страха и в понуждении его к какой-либо деятельности или отказу от совершения определенных действий (бездействию).

Законодатель закрепляет насильственную угрозу в следующих составах преступлений: п. «г» ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 162, ч. 1 ст. 163, п. «в» ч. 2 ст. 166, ч. 4 ст. 166 УК РФ.

М.В. Хабарова подробно определяет признаки угрозы: действительность, сопряженность ее с информацией о конкретной опасности, выраженность вовне, интенсивность, реальность, осуществимость вопреки или помимо воли потерпевшего и меньшая степень общественной опасности по сравнению с реальным применением физического насилия.¹ Но для установления признаков насильственной угрозы необходимо выделить и специальные, позволяющие отграничить ее от иных видов угроз, выступающих средством понуждения к совершению определенных действий.

Представляется, что к общим признакам угрозы следует отнести: общест-